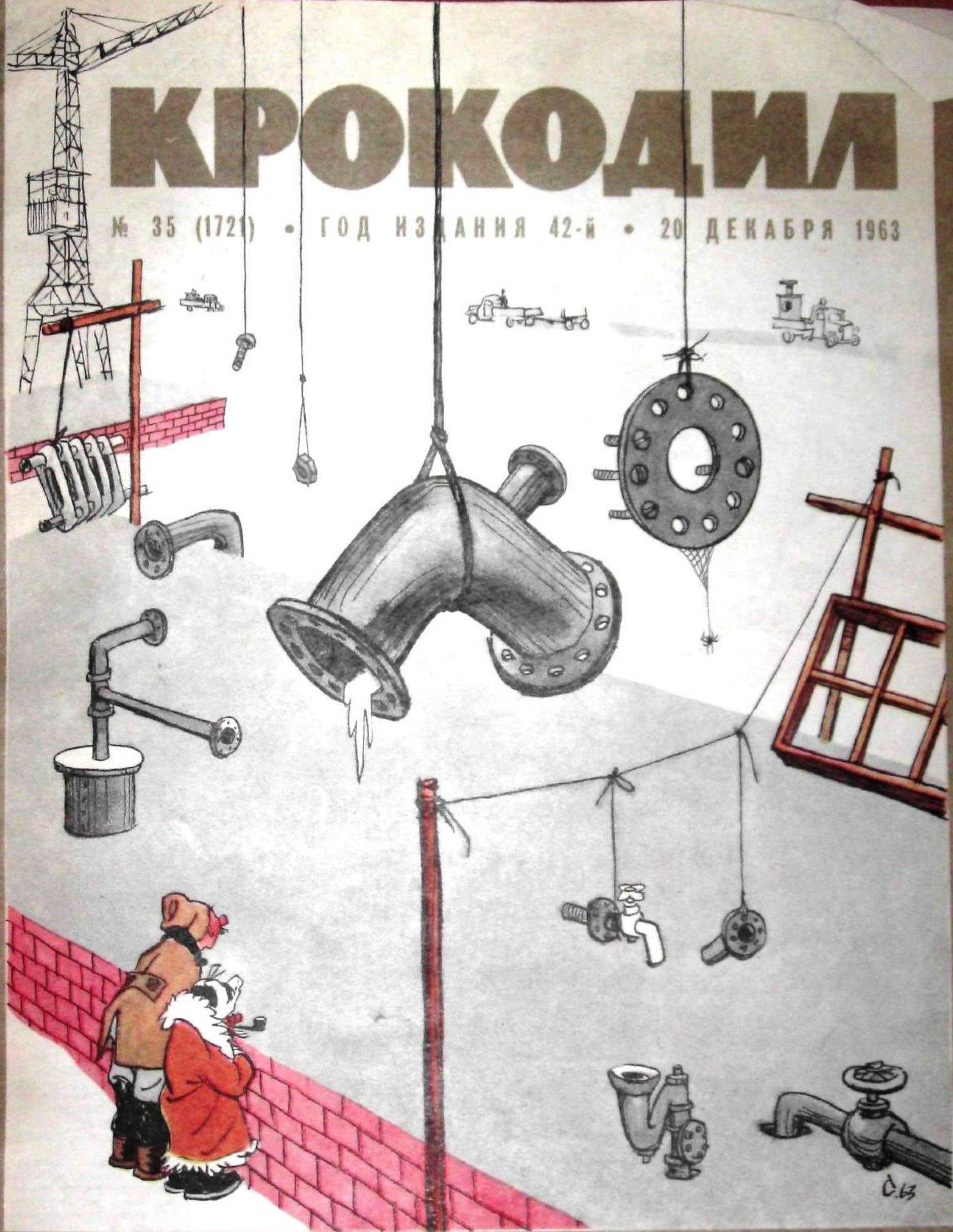

КРОКОДИЛ

№ 35 (1721) • ГОД ИЗДАНИЯ 42-й • 20 ДЕКАБРЯ 1963

МОНТАЖ ПРИ НЕКОМПЛЕКТНОЙ ПОСТАВКЕ ОБОРУДОВАНИЯ

— Каков будет профиль этого химического предприятия?
— А кто его знает! Посмотрим, что еще пришлют!

Рисунок И. СЕМЕНОВА

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА

**ГОРЬКОВСКИЙ
КОНТРОЛЬНЫЙ
ОСТ**

СИНТЕТИЧЕСКИЙ ПОЖАР

На территории горьковского завода «Нефтегаз» пахло паленым. Горели шубы. И те, которые в полоску, и те, что с искоркой... Всякие. Из теплого, пушистого синтетического меха!

Горели они не первый год, поэтому руководители завода к неприятному запаху почти привыкли. Правда, директор, Павел Александрович Кутузов, приходя на работу, обыкновенно спрашивал:

— Горим?

— С одного конца — да, но с другого — ни в коем случае! — бодро рапортовал начальник технического отдела Федоров. — С планом, сами знаете, у нас полный порядок!

— План — это, конечно, отлично, но паленым все-таки пахнет, — морщась, говорил Павел Александрович и принимался за составление очередной докладной записки.

В управлении химической и нефтеперерабатывающей про-

мышленности Волго-Вятского совнархоза докладные читали и тоже морщились:

— И чего пишут? Горит — и хорошо!

А загорелось еще два года назад. Согласно указаниям совнархоза.

До того времени завод «Нефтегаз» трудолюбиво вырабатывал граммофонный пек и зеленое масло, а отходы производства бережно передавал другим предприятиям по газопроводу. Бережно потому, что газ этот был не чем иным, как драгоценными полимерами. Они-то и шли на изготовление шуб: тех, которые в полоску, и тех, что с искоркой.

Работяга-газопровод честно трудился, пока не прохудился. Тогда гостехнадзор отправил его на пенсию. А завод встал в тупик: куда теперь газ девать? На пенсию его не отправишь. Авьоськами или в бидонах до потребителя тоже не донесешь.

Как-никак, десятки миллионов кубометров в год!

Стали искать, кому бы сбыть драгоценные полимеры. Нашли. На соседнем канифольно-терпентинном заводе имелись котельные. В них и жечь!

Владельцы котельных пробовали было возражать: мол, природный саратовский газ дешевле, да и грешно полимерами печь топить. Но в совнархозе строго спросили:

— Горит?

— Горит.

— Вот и хорошо! Жгите.

Хорошего же, вообще говоря, было мало. Запахи горящих полимеров тревожили коллектив «Нефтегаза». Там подсчитали, что вместе с газом ежегодно сгорает в котельных полимеров-пластиков на 10 миллионов рублей!

Словом, пожар получался нешуточный. На таком и сгореть недолго. Тем более, что пламя было видно издали.

Собирались зрители. Из совнархоза, с соседних предприятий, из городских организаций...

— Справа заходи! — кричали одни.

— Сверху поливай! — шумели другие.

Поджечь легко, погасить трудно. Впрочем, в проектах «тушения» недостатка не было. Кто-то предлагал строить установки на самом «Нефтегазе», использовать беспокойный газ без отрыва от основного производства. Кто-то вспоминал об ушедшем на пенсию работяга-газопроводе: надо, мол, вернуть его или заменить новым, помоложе...

Проектам и спорам нет конца. Пожару тоже. «Зрители» никак не могут найти общего языка. Неужели же только потому, что горят не личные шубы, а государственные?

Г. СОМОВ

г. Горький.

НЕ В СВОИХ САНЯХ

На Ижорский завод прибыла из Ленсовнархоза срочная эстафета: «В будущем году вам надлежит изготовить 10 тысяч финских саней по линии ширпотреба».

Директор схватился за сердце и тихо застонал:

— Мало нам экскаваторов?! Мало гидрпрессов, уникальных прокатных станков, универсального судового оборудования?! А ты, господи, которого нету, нам еще финские сани навязал! Какие они хоть из себя?

— Хорошие,— сказали на базе «Роскультторга».— Мы ими раньше торговали. Из Таллина получали и продавали.

— Вот пусть бы их в Таллине и делали,— встретился директор. Но все же послал в Эстонию начальника цеха тов. Левита. А попутно дал задание плановикам подсчитать, какие прибавки получит завод от новой продукции.

Те покрутили на арифмометрах, постукали на счетах и сообщили: от новой продукции Ижорский завод будет иметь в год 150 тысяч рублей... убытков.

На этот раз директор схватился уже за голову. Ижорцам убытки были ни к чему, и они начали препираться с совнархозом. Спор закончился 7 декабря 1962 года: в этот день председатель Ленсовнархоза тов. Антонов обязал ижорцев выпускать санки и не рыпаться.

Но вернемся к ленинградскому гонцу. Едва он приехал в Таллин и завел речь о финских санях, как работники завода «Терас» бухнулись перед ним на колени.

— Голубчики ленинградцы! Отцы родные! Да если вы нам металла подкинете, мы все задания по санкам и за вас и за себя выполним. До пятидесяти тысяч санок в год можем делать.

— Мы бы не против,— застенялся гонец,— да совнархоз наш не велит. Ведь вы совсем из другого экономического района.

— Так ведь из одной страны! Даже соседки. Балтика-то, вот она...

— Нет,— уперся гонец.— Вы нам лучше санки продайте, а то нам неведомо, как их делать.

Эстонцы грустно продали пару саней. А ижорцы так же грустно поволокли их в Торговую палату.

— Не пойдет!— сказали там.— При совнархозе есть специальное художественно-конструкторское бюро. Нужна его виза.

Сергей ВАСИЛЬЕВ

Хочу побрить!

Уже говорилось и писалось о том, что многие радиоприемники и телевизоры отличаются друг от друга только окраской и габаритами, хотя носят разные названия и выпускаются разными предприятиями.

Скажу вам, братцы, не тая (хоть вы в спецы зачислены), что вас оставить без бритья на этот раз немислимо. Вы обросли сплошной кугой фальшивого значения, и оставлять «пейзаж» такой нельзя без попечения.

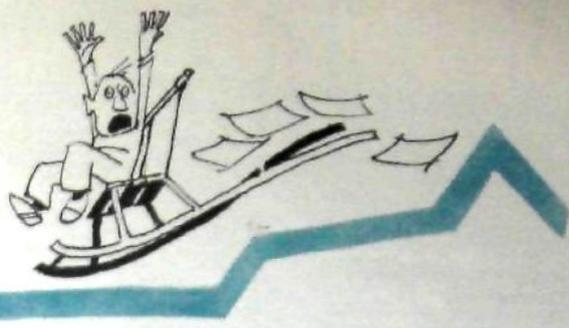
«Мой вид!»— кричит один. Другой: «С твоим-то нет сравнения!» А суть одна: ни в зуб ногой все ваши «изменения».

И как бы в разные года расцветки ни меняли вы, обман — он есть обман всегда, пусть даже бледно-голубой или, скажем, бледно-палевый.

И сколько б вы, меняя вид, красителей не тратили,— картина ясно говорит:

«Держись! Очковиратели!» «Новинки» ваши день за днем хоть дубом крой, хоть липою,—

вранье останется враньем, а «липа» — голый липою.

— Фи! Разве это товар? — брезгливо сказали художники.— Анахронизм, а не сани. Где в них экспрессия? Где устремление вперед? Нету устремления. Не пойдет. А вот мы вам изобразим такие сани, что только ахнете!

— А почему изображение? — Семьсот рублей. Что? Дороговато?

А вдохновение нынче почему? Мы ведь люди хозрасчетные.

...Когда ижорцы прибыли в Торговую палату для обозрения нового образца, они и вправду ахнули. Новый образец отличался от старого разве что стоимостью.

И все присутствующие дружно высказались за таллинские санки. Которые как бы без устремления вперед. Те, что анахронизм.

С грехом и муками пополам ижорцы вытянули на сегодняшний день половину санного плана. Радости им от этого мало: заводу сани обходятся вдвое дороже, чем они стоят в магазине. У таллинцев же себестоимость санок была втрое ниже, чем у ижорцев.

По секрету: идея выпуска финских саней на берегах Невы зародилась в стенах ленинградской базы «Роскультторга». Ее директор В. Ф. Грибов жалуется на Ижорский завод:

— Срывают нам план по саням! Ведь мы

бы ими снабдили всю страну. До Северного полюса включительно.

По пути в Ленсовнархоз как-то сам собой сочиняется вариант песни:

Эх, вы, сани мои, сани,
Сани новые мои,
Сани новые, кондовые,
Убыточные...

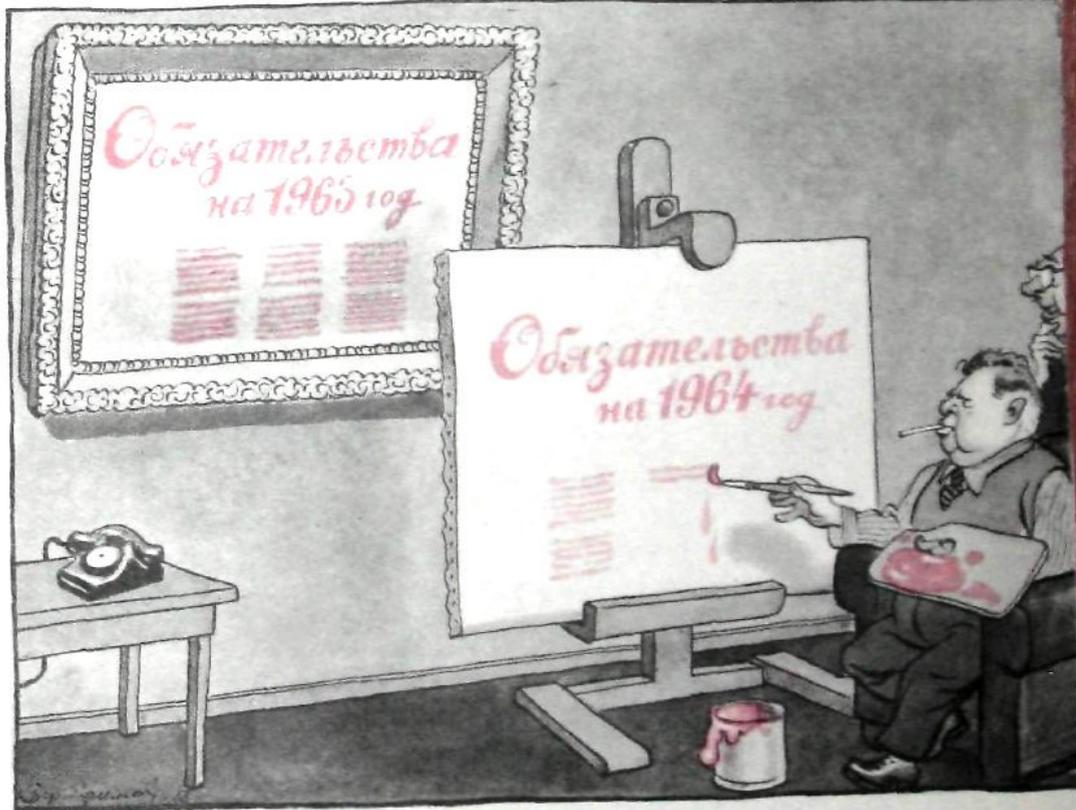
— Выпуск ширпотреба планируется по валу,— говорит начальник управления тяжелого машиностроения тов. Фирсов.— Вот мы и думали, что ижорцы вытянут вал на санях. Однако не получилось. Так я им подкинул заказ на сто автогаражей. Авось, теперь выплывем...

Из-за такого планирования ижорцы плачут от саней, а таллинцы — без саней. Впрочем, сани — один из примеров. Ижорский завод делает ножи и вилки, а специализированное по вилкам горьковское предприятие работает с неполной загрузкой. В общем, через трубы ленинградских заводов на одном ширпотребе уже вылетела такая сумма денег, что давно можно было бы построить пять специализированных предприятий.

Рентабельных!..

В. РЕЗНИКОВ,
специальный корреспондент
Крондила

г. Ленинград.

КОПИИСТ

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

АНТИПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОЭМА

Руководящий педагог по фамилии Асельдеров вызвал к себе рядового педагога Ханукаева.

— Ты, дорогой, Песталоцци читал? — спросил руководящий педагог.

— Читал.

— А Ушинского? Макаренко?

— Приходилось.

— Так что же получается? Всех ты читал, все знаешь, а вот хочешь уехать, оставив наших ребятшек без учителя пения. Ты помнишь, что говорили о музыке отечественные и зарубежные корифеи педагогической мысли?

— Извиняюсь, запомнил.

— Они считали, что музыка входит необходимым компонентом в гармоническое развитие человеческой личности. Так я говорю, Ханукаев?

— Так.

— Быть может, ты считаешь, что она не входит?

— Входит! — заверил Ханукаев. — Только вы напрасно на меня нападаете. Ребятишки не останутся без учителя. У меня на примете есть парень.

— Какую он окончил консерваторию? — строго спросил Асельдеров.

— По правде сказать, консерваторию он не окончил...

— Жалко, конечно, но не в консерватории дело, — сказал Асельдеров. — Мы призваны развивать, товарищ Ханукаев, моральные и нравственные силы ребенка. Это ответственное дело можно доверить только человеку, который сам духовно здо-

ров. Или ты считаешь, что к детишкам можно допустить человека с нравственным недугом?

— Да сохранит нас аллах! — сказал Ханукаев. — Мой парень здоров. Я даже сам удивляюсь, откуда у этого сравнительно молодого человека такой крепкий моральный облик.

— Тогда приведи его, — сказал руководящий педагог, который был директором махачкалинской средней школы № 12. — Приведи его, и побыстрее, потому что мы не можем пускать на самотек гармоническое воспитание детей.

Ханукаев привел в школу Юрия Гринько. В отличие от иных фельетонистов мы не станем вязать сюжетные петли и до изнеможения водить читателей по фабульным переходам и лабиринтам. Скажем без обиняков: нравственное здоровье у нового педагога сильно пошаливало. Гринько зарекомендовал себя как музыкант лишь в исправительных заведениях. Словом, Гринько сидел. И не раз. Он был осужден дважды за самые что ни есть вульгарные уголовные преступления. Такого вот белоснежного голубя привел Ханукаев к директору.

— Учитель пения! — сказал Ханукаев. — Прошу любить и жаловать! Между директором и уголовником произошел примерно такой разговор:

— Вам когда-нибудь приходилось формировать юную человеческую личность? — спросил директор.

— Это вы насчет чего?

— Я имею в виду педагогическую

деятельность. Приходилось ли вам развивать духовные силы учащихся, лепить их характеры?

— Насчет лепки, начальник, врать не буду. Но приходилось. Однако могу попробовать. Я пацанов и шкетов страсть как люблю. Смышленный народ! Поставь споровистого шкета на стреме...

— Позвольте, на какой стреме?

— Это я к слову, — слыхнулся новоявленный педагог. — А вообще-то я всей душой...

— Мне говорили, что вы музыкант?..

— А то нет? Спросите у любого морячка. Я же в порту в джиге играю. Опять же на танцах. Исполняю «Мучу», «Чу-чу»...

— «Чу-ча», пожалуй, для ребят не подойдет...

— Об чем разговор! У меня этих песней без малого тысяча. Найдем другую. Вот скажем: «Стою на Дерibasовской, держусь за карман, и вдруг ко мне подходит знакомый уркаган».

— И это не совсем то. Не тот песенный профиль. Детишкам нужны песенки про зайчиков, про влочку... Вот хорошая песня, — сказал Ханукаев. — «Наша мама — садовод, папа водит самолет, подрастешь и ты, малыш, к ясным звездам полетишь».

— К звездам так к звездам, — сказал Гринько. — Куда потребуется, туда и полетим.

— Ладно, — сказал директор. — Зачислим. Поработайте над репертуаром и приходите к детишкам.

Рецидивист театрально откланялся и покинул школу.

— Признаться, что-то мне в нем не нравился, — сказал директор. — То ли у меня повышенные требования, то ли еще что, но мне кажется, новый преподаватель может внести некоторую дисгармонию в нашу педагогическую семью...

— Ничего, — сказал Ханукаев. — Обкачается в коллективе.

Прошло немного времени. Пропитой голос уголовника зазвучал в классах. Вор повел детишек в светлый храм музыки. Рецидивист занялся эстетическим воспитанием школьников.

Неизвестно, сколько бы трудился Гринько на педагогической ниве, если бы не случай. Уголовник снова попался. Впрочем, не на воровстве. Вот как он сам описывает начало своих похиждений:

«16 ноября я кончил работу в школе № 12. В этот день мы вместе с преподавателем Львом Николаевичем зашли в магазин... Вызвали пол-литра московской водки и пошли в столовую. Там выпили. Пошли в школу № 17 станции Махачкала-первая. Лев Николаевич получил в этой школе деньги, и мы поехали в Махачкала-вторую, так как мне нужно было играть в эстрадном оркестре. Мы зашли в «Гастроном» и купили со Львом Николаевичем пол-литра водки и 300 граммов жареного сома. И с этим мы пошли на культбазу. До начала игры мы выпили эту бутылку. После мы послали мальчика еще за одной бутылкой. Эту бутылку мы выпили перед концом танцев».

После танцев Гринько с другим субутильником — музыкантом местного радиовещания Мужжировым — продолжили гулянку. Они купили еще бутылку коньяку, подлопили молодую работницу Н., и Гринько изнасиловал ее.

В эту же ночь он был схвачен милицией.

...Я позвонил директору. И спросил, знает ли он о последних похиждениях учителя пения. Директор огорчился. Гринько — преступник. Ай, как нехорошо! Как некрасиво! Кто бы мог подумать... Он же музыкант. А Ханукаев тоже хорош! Подсунул ему этого негодяя. Ай, Ханукаев, Ханукаев, что ты наделал, Ханукаев! Впрочем он, Асельдеров, не убежден, стоит ли обо всем этом писать фельетон. Ей-ей, не стоит. Ведь Гринько был принят временно. В порядке эксперимента...

Веселенький эксперимент, ничего не скажешь, думаю я! Уголовник и дети... «Стою на Дерibasовской, держусь за карман...» и «В лесу родилась влочка...». Противовестественное сочетание!

Я деликатно намекаю на это директору. В ответ Асельдеров еще долго говорит о своих побуждениях. Они были наилучшими. Он боролся за выполнение плановых наметок по пению. Он хотел что-то перевыполнить по эстетическому воспитанию детей.

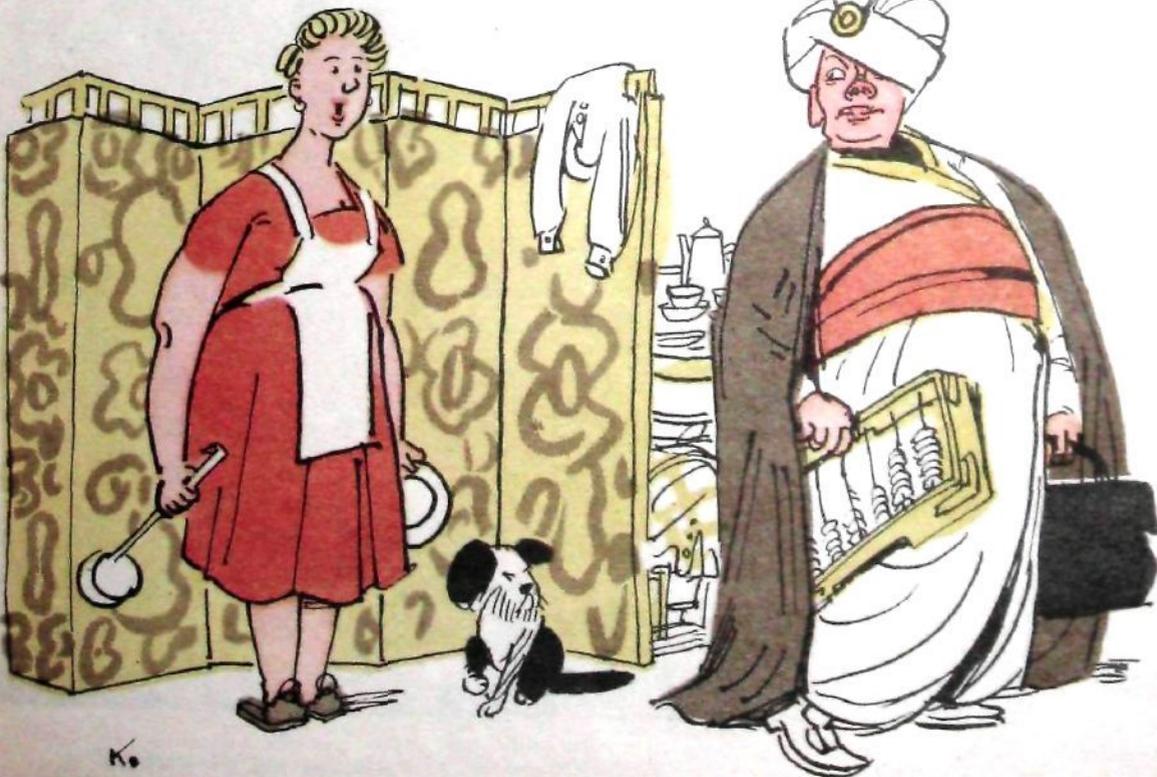
Я не стал дожидаться, пока Асельдеров начнет цитировать корифеев педагогической мысли, и повесил трубку.

С. ШАТРОВ

Махачкала — Москва.

— Митя, ты едешь на бал-маскарад?
— Нет, сдавать годовой отчет...

Рисунок А. КАНЕВСКОГО

ПОЕДИНОК

Задолго до дня рождения дамы сердца влюбленный рыцарь встал на колени и торжественно поклялся:

— Я привезу тебе такой подарок, о каком ты мечтала всю жизнь!

Почистив щеткой запылившиеся колени, он вскочил на верного коня и, вздымая на грунтовой дороге клубы пыли, исчез за горизонтом. Пока опечаленная дама сердца коротала время над именинным пирогом, рыцарь скитался по разным странам, время от времени оглашая округу оптимистическим криком:

— Нет на свете дамы прекраснее, чем синьора Барабанта!

И горе было тому, кто легкомысленно позволял себе усомниться в этом. Тогда меч и кинжал раз и навсегда избавляли скептика от сомнений.

Как-то вечером рыцарь приехал в наш город и направился в магазин подарков и сувениров. Он был самоуверенным, как и полагается рыцарю.

— Мне что-нибудь для симпатичной женщины моих лет, — сразу ринулся он в атаку. — Какой-нибудь оригинальный подарок. Нет на свете дамы...

— Спокойно! — остудила его пыл продавщица. — Сразу видно, что приезжий. У нас нет подарков как таковых, а есть подарочные комплекты. Показать?

— Показывайте! — нервно приказал рыцарь.

Перчатка была брошена, вызов принят, турнир начался.

— Защищайтесь! — крикнула продавщица.

Она положила на прилавок пару капроновых перчаток и духи «Серебристый ландыш».

— Банально, — легко отпарировал удар приезжий рыцарь. — Это еще мой дедушка бабушке дарил.

— Ладно, держитесь! — нанесла новый удар продавщица, швырнув на прилавок шесть метров панбархата и хозяйственную сумку образца сорок шестого года.

Рыцарь пошатнулся, но на ногах устоял.

— Этот панбархат теперь не носят даже убитые горем вдовы, — ответил он ударом на удар. — А сумку можно послать в деревню бабушке. Отличное гнездо получится для наседки!

Удар был сильным, и продавщица упала на колени, едва успев как щитом, прикрыться дамской шерстяной кофточкой. Сбравшись с силами, продавщица подтащила к прилавку деревянного орла, вырезанного из цельного дубового пня толщиной в четыре обхвата.

— Вот! — издала она победный клич. — Комплект чуткости. Кофточка олицетворяет теплоту ваших чувств к даме, а орел осуществляет охрану семейного очага и уюта.

— О, Барабанта! — прошептал рыцарь и без чувств грохнулся на пол.

— Знай наших! — победно сказала продавщица.

Он был самоуверен, этот рыцарь, и не подозревал, что наши местные рыцари в поединки с продавщицами магазина подарков не вступают.

Кому охота получить в подарок комплект чуткости?

г. Херсон.

Владимир КОНСТАНТИНОВ,
Борис РАЦЕР

Искусство в коридоре

В средней школе на уроке
Побывал не так давно
Гость нежданный, гость высокий —
Представитель гороно.
Быстро сделал перекличку
По журналу педагог.
Первым вызван был отличник,
Знавший тему назубок.
— Расскажи, Володя Власов,
Как творил и жил Некрасов.
— Все мы знаем, что Некрасов
Был певцом крестьянских масс,
Что в стихах своих не раз он
Бичевал имущий класс,
Что сидел порой без денег,
Издавая «Современник»,
Но что близок был к народу
И описывал природу...
Тут, прервав ответ Володи,
Гость спросил притихший класс:
— Кто еще любовь к природе
Пробудил в душе у вас?
Класс молчит. В ответ — ни звука.
Смотрит гость поверх очков...
Вдруг с «камчатки» поднял руку
Второгодник Глеб Сачков:
— Море, лес, луга, березки
Полюбил я всей душой,
Помогли мне Айвазовский,
Левитан и Кончаловский,

Шишкин, Репин и Поленов —
Круг художников большой...
Целый мир открылся новый
Мне в перовских «Птицеловах»,
И в куинджевских «Ночах»,
И в саврасовских «Грачах»...
С удивленьем на Сачкова
Гость поглядывал тайком:
Ведь в программе нет ни слова
Про художника Перова,
И о Репине ни слова
И о ком-либо другом.
Гость не знал, что в коридорах
Сто развешано картин,
Содержание которых
В классе знал Сачков один.
Глеба часто педагоги
Выставляли в коридор —
Ну, и там он понемногу
Свой расширил кругозор.
Эстетически подкован
Сверх программы стал Сачков...
Как до уровня такого
Всех поднять учеников?
Уж давно об этом спорят,
Ну а в школе и сейчас
Все искусство в коридоре.
А его пора бы в класс!

г. Ленинград.

В этих местах вся атенстическая пропаганда сводится к чтению лекций.

(Из газет.)

— Один бог знает, как я работаю!

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА

Улыбайтесь, Чубачаи!

Речь пойдет не о грубияне, который сотрясает уличный воздух многоступенчатым сквернословием, не о пьяном драчуне с разрисованной синяками физиономией, — на таких не стоит тратить ни красноречия, ни чернил!

Вооруженные метлами и лопатами, пусть они спокойно поднимают — за свои 15 суток! — уровень санитарного благоустройства наших городов и поселков.

Я хочу говорить о грубости, за которую «не дают» 15 суток, хотя она, эта грубость, так же, если не больше, мерзка и противна и так же портит нервы хорошим советским людям.

В кондитерском отделении московской булочной старушка-покупательница спросила у продавщицы, сколько стоят атласные подушечки с начинкой.

Боже мой, чего только не наговорила ей в ответ молодая, румяная, щекастая девица в белом торговом халате!

— Что, у вас глаз нет? Вон ценник выставлен! Каждый блуд спрашивать — язык отвалится отвечать!

В таком духе она пушила полуслепую старуху минут семь вместо того, чтобы, потратив несколько секунд, назвать цифру.

Этот мелкий случай можно считать примером элементарной, ходовой, а главное, очевидной грубости. Бывает, однако, и другая грубость, проявляющаяся в более тонких, не лишенных своеобразного изящества паскудных формах.

Пришел в универмаг в отдел готового платья гражданин с женой. Гражданину — под пятьдесят, фигура у него нормальная, живот не превышает возрастных габаритов, но тем не менее соревнование по красоте телосложения с Аполлоном Бельведерским или с Дискоболом он, пожалуй, не выиграл бы. У прилавка с лиджаками весело щебечет стайка молодых продавщиц. Высокие, модные прически, бледные кукольные личики, синие изящные халатики. Все очень мило, полный модерн!

Болтают о какой-то вечеринке. Сначала на вечеринке «был блеск», а потом «этот дурак Жорка» приревновал свою «пучеглазую Аську» к Петру Ивановичу, а Петр Иванович «ничего такого не делал, он только салату Аське все подкидывал на тарелку...»

Покупатели стоят и ждут, когда же на них обратят внимание. А на них внимания не обращают! Новелла про пучеглазую любительницу салатов, про ее внимательного соседа и про ревнивого кавалера развивается медленно, обстоятельно: ведь рассказчицам спешить некуда, рабочий день в самом разгаре.

Жена гражданина наконец не выдерживает:

— Будьте добры, скажите, у вас можно подобрать костюм для моего мужа?.. Чтобы был недорогой, но хороший!

Основная рассказчица новеллы про пучеглазую Аську бросает на переступающего с ноги на ногу гражданина ледяной, презрительный взгляд.

— Для него?! Для него ничего нет!..

И, обернувшись к подружкам, продолжает:

— Тогда Петр Иванович кладет салфетку на стол и говорит Жорке: «Молодой человек, я вам в дяди гоужу и предлагаю держаться в рамках культурного поведения высокоинтеллигентного человека». А Жорка...

— Девушки, давайте поищем костюм для мужа. Наверное, все-таки можно найти! — снова просит жена гражданина.

Теперь оборачивается помощница рассказчицы новеллы. Снова ледяной, презрительный взгляд. Гражданин, которому под пятьдесят, под этим взглядом рефлекторно

втягивает в себя живот нормальных возрастных габаритов и старается дышать верхней частью грудной клетки.

— Вам же сказали, гражданка! Для него ничего нет!

Ни одного оскорбительного слова не сказано. Возможно даже, что костюма нужного размера в тот день в магазине действительно не было, и все-таки... Сколько же в поведении этих молодых продавщиц грубости, неуважения к покупателю!

Но тут я уже слышу возмущенный, протестующий голос:

— Вот вы критикуете продавцов... вообще работников «сектора обслуживания». А покупатели, а сами обслуживаемые?! Они что у нас, слепые ангелы с дипломом об окончании высшей небесной школы хороших манер, да?!

Нет, конечно! Встречаются нервные, злые покупатели и покупательницы, и давно известно, что надо быть «взаимножелательными». Но требовать от покупателя обязательной любезности в обращении нельзя, можно лишь внушать ему, что быть улыбочивым, выдержанным, воспитанным человеком полезно для покупательского здоровья.

Тот же протестующий, возмущенный голос:

— Вот тебе и раз! От «них» нельзя требовать любезности, а от «нас» можно? Где же равенство?!

А здесь и не может быть равенства! Покупатель, потребитель должен быть вежливым, но вежливость — это еще не любезность. Продавец же (вообще любой работник сектора обслуживания) по роду своей работы обязан быть любезным.

Если же вам мучительно трудно произносить такие слова, как «пожалуйста», «спасибо» и «заходите еще к нам», — значит, как это ни печально, вы просто профессионально непригодны к работе в секторе обслуживания, и вам нужно поискать другую площадку для применения своих сил и способностей.

Сколько написано пылких статей, острых фельетонов, веселых сатирических стихов о пользе улыбки! И все-таки снова приходится писать на ту же тему и «ставить» тот же «вопрос».

Мало улыбаются у нас в секторе обслуживания!

Один работник ведомства морского флота, человек умный, острый, веселый, рассказал мне недавно такую историю. Он получил долгожданный отпуск и с курортными путевками на себя и на жену в кармане в самом лучезарном настроении отправился в кассу покупать проездные билеты. Как на грех, кассирша попалась мрачная, необщительная, с суровым взглядом исподлобья.

Товарищ стал просить суровую кассиршу о небольшой любезности: выдать ему два нижних места в спальном вагоне. Он не может спать наверху, такая уж у него привычка, он много работает, устал и хочет хорошо выспаться в поездке.

Суровая кассирша посмотрела на него исподлобья и сказала:

— Нельзя!

— Но почему же нельзя?

— Не полагается!

— А мне кажется, что вы можете для меня это сделать, но почему-то не хотите!

Работник морского торгового флота — человек, повторяю, веселый, любезный и выдержанный — произнес эту фразу с улыбкой, полуслуша. Ему казалось, что своей любезной улыбкой он добьется нужного результата. И он добился! Суровая кассирша подозрительно прищурилась и сказала:

— А почему, собственно, гражданин, вы все время улыбаются?

На днях с моим другим знакомым случилась неприятность: он обронил где-то паспорт. Мой знакомый позвонил по телефону в стол находок.

Отозвался мужской голос, такой угрюмый, рычащий и тусклый, что мой знакомый сразу почувствовал себя крупным преступником.

Он назвал себя и робко сказал: «Здравствуйте!» Ответного «здравствуйте» от стола находок не последовало.

Мой знакомый тоскливо подумал: «Никогда не найдут!» — но все же кое-как объяснил цель своего звонка.

Мужской голос равнодушно рыкнул:

— Не приходите!

Ни одного сочувственного словечка, ни одной искорки надежды!

— Ну, а как же... теперь? Может быть, вы запишете мой телефон и, если вам принесут...

— Позвоните сами через неделю!

— Послушайте, — все-таки спросил мой знакомый, — почему у вас такой нелюбезный тон?

В ответ то же рычание, несколько удивленное:

— У меня всегда такой тон!..

Маленькое это происшествие имело хороший конец. Моему знакомому позвонил московский таксист Эдгар Новиков, сам приехал к нему домой, привез потерянный документ. Расставаясь, они долго трясли друг другу руки и с улыбкой говорили разные хорошие слова. Им обоим было приятно от сознания, что великая формула «человек человеку друг, товарищ и брат» осуществляется у нас даже в мелочах!

Как-то выхожу на улицу вечером. Только что закрылся магазин «Гастроном». Вдур появлялись запылавшиеся, взволнованные женщина и мужчина.

— Боже мой, опоздали! Какая неприятность!

Пожилый милиционер, проходя мимо, заинтересовался:

— В чем дело, граждане?..

— Да вот не успели одному знакомому мальчику купить подарок. Где теперь достать конфет?!

— Идите в кафе, вон там, за углом, там купите. У них и подарок есть.

— Большое спасибо! А вы откуда знаете, что в кафе есть подарки?

— Милиция все обязана знать. Бегите скорей, нельзя же, чтобы мальчик на праздник остался без подарка!.. Желаю успеха!

Приложил руку к козырьку фуражки, глаза улыбаются. Взволнованные муж и жена тоже улыбаются. И бегут за угол — в кафе, скорей, скорей, чтобы эстафету человеческой улыбки через полчаса у них принял «один знакомый мальчик»!

Однако что же все-таки делать с теми деятелями сектора обслуживания, которые против улыбок и любезного тона, с теми, которые за не караемую в административном порядке грубость?

Безнадежным, как я уже говорил в начале этого фельетона, надо советовать покинуть этот сектор по мотивам профессиональной непригодности. Безнадежных можно исправлять. Я бы, например, рекомендовал им психологическую гимнастику. Утром, делая зарядку, приседая, говорить самому себе «Пожалуйста!» и при этом мило улыбаться. Раз десять, не меньше, чтобы втянуться потихоньку да полегоньку. И вообще приучать себя к трудно-произносимым словам, пользуясь любым удобным случаем.

Леонид ЛЕНЧ

ПЕРЕПИСКА НОВОГО И ТОГО СВЕТА

Роберт — Адольфу

Сегодня, 8 декабря 1958 года, мы собрались в Индианаполисе, дорогой Адольф, чтобы почтить твою память и встряхнуть Америку. Нас, основателей нового общества, 12 человек. У каждого на текущем счету не меньше миллиона долларов. Конечно, спорили насчет названия организации. Было решено, что американцы пока еще недостойны создания партии, которая носила бы твоё имя. Поэтому остановились на Джоне Бэрне. Он тоже покойник. В 1945 году этот капитан авиации геройски погиб, став первой жертвой «красной опасности» в послевоенное время. Заседали двое суток, обсуждая программу. Решили сформулировать задачи по-деловому: полное уничтожение коммунистов, негров, евреев, либералов, демократов, которые верят в демократию, и республиканцев, выступающих за республику.

Роберт Уэлч-младший.

Адольф — Роберту

От радости трижды перевернулся на сковороде. Оказывается, и в Соединенных Штатах есть настоящие арийцы. «Общество Джона Бэрча» поддерживаю целиком, как соответствующее линии «Моей борьбы». У нас, на том свете, есть, правда, иные сведения о кончине Бэрча. Он здесь разгуливает с ранениями несколько ниже спины, полученными после того, как американская разведка впутала его в ка-

кое-то грязное дело. Но это останется между нами. Хайль, Бэрч!

Как дела на твоих кондитерских фабриках, Роберт?

Адольф, фиорер.

Роберт — Адольфу

С кондитерской промышленностью покончено. Если бы я мог для всех американских красных и тех, кто им попустительствует, выпекать пирожные с цинкистым калием или, на худой конец, с мышьяком! Но увы... Только что закончил «Голубую книгу», 178 страниц. Удалось доказать, что коллективизм — бич человеческого общества. Установил, что Римская империя пала оттого, что император Диоклетиан установил контроль над ценами.

Когда настанет «день Икс», мои бэрчисты проведут хорошую чистку в Вашингтоне! Вряд ли могут рассчитывать на что-либо приятное коммунисты Дуайт Эйзенхауэр, Эдлай Стенсон, Уолтер Рейтер, Джон Кеннеди и Чарльз Болен.

С уважением Роберт Уэлч.

Адольф — Роберту

«Общество Джона Бэрча» всегда может рассчитывать на мой опыт в строительстве концлагерей и газовых печей. В случае нужды можете выписать специалистов из Бонна. Там они есть в ассортименте. А пока «Готт. мит унст»

Мы начали с Баварии, вы можете начать с Техаса.

С наилучшими пожеланиями А. Г.

Роберт — Адольфу

Из южных штатов и Калифорнии мы начнем «Драг нах Норден унд нах Вестен». Ряды бэрчистов растут. К нам присоединились три бывших президента Национальной ассоциации промышленников. По моим подсчетам, нас, бэрчистов, двести тысяч. Издаем журнал «Америкэн меритори». Могу, кстати, привести такое высказывание нашего журнала: «Начиная с 1941 года политика Вашингтона диктуется коммунистами. Президент Рузвельт вступил в войну против Гитлера». Я могу поручиться, дорогой Адольф: все члены моего общества считают, что США воевали не на той стороне... Думаю, доставлю тебе удовольствие, перечислив некоторые названия книг, которые мы издаем: «Наша великая раса», «Теория гибридной расы», «Раса и разум».

Для американцев, не склонных к глубокому анализу, предлагаем сенсационные новости. Так, член палаты представителей от Калифорнии Джем Атт — разумеется, наш человек в Капитолии — во всеуслышание заявил, что красные готовят 16 тысяч африканцев с серьгами в ушах и жемчужинами в носу, чтобы под видом войск ООН захватить Пентагон и Белый дом.

Р. У.

Штат Массачусетс, сентябрь.

Адольф — Роберту

Кольца в носу — это неплохо. Но, дорогой Роберт, чтобы захватить всю полноту власти в третьей империи, нам пришлось сделать кое-что поэфффектнее. Помнится, немало пришлось потрудиться, чтобы найти подходящего парня для поджога рейхстага. Подыскали. Ван дер Люббе согласился признать себя красным с головы до ног. Хороший был шизофреник! Не смогут ли твои парни sprыскнуть бензином Белый дом или учинить что-либо в этом роде? Хайль!

Роберт — Адольфу

За совет насчет Ван дер Люббе благодарим. Обдумываем варианты.

г. Даллас, октябрь.

Адольф — Роберту

Поздравляю! Теперь — в атаку на мировой коммунизм!

Пренсподия, 23 ноября.

Роберт — Адольфу

Ликуем. Все наши отметили похороны, как свадьбу. Но борьба только началась.

Верный Роберт.

Адольф — Роберту

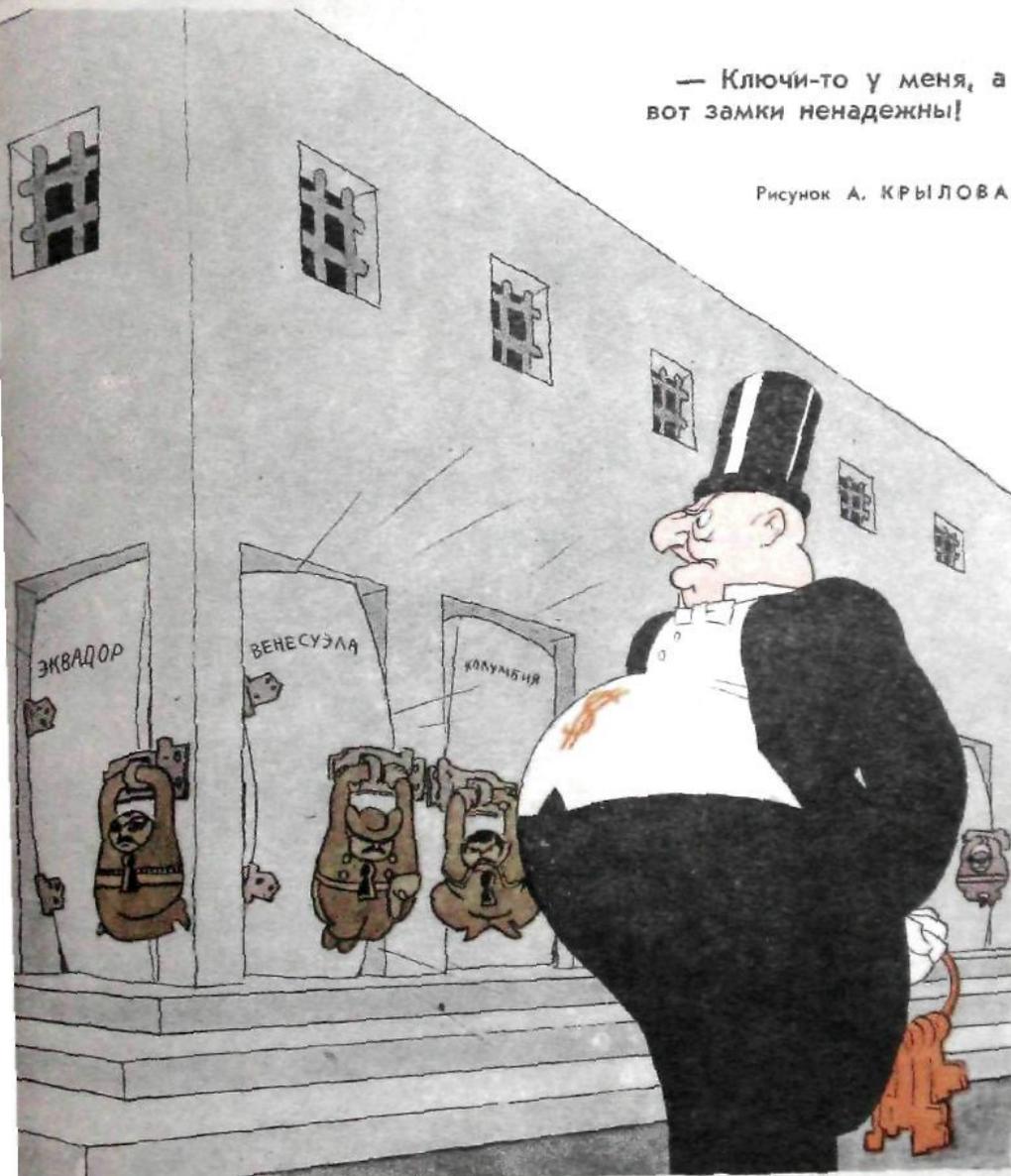
В случае неудачи встречу с распростертыми объятиями. Учитывая мой опыт, записаться заблаговременно хорошим ядом: крысиный яд вызывает неприятные ощущения в желудке.

Бывший фиорер.

Копии снял и доставил в Кронодия В. АРДАТОВСКИЙ.

— Ключи-то у меня, а вот замки ненадежны!

Рисунок А. КРЫЛОВА

НО НЕ ВЗДУМАЙ МОЛИТЬСЯ!

Американский сенатор Джейкоб Джайвнт рассказывает в книге «Дискриминация в США» следующую историю:

Проходя мимо церкви в богатом квартале, полицейский увидел при входе негра.

— Ты куда, черномазый? — возопил страж порядка. — Разве ты не знаешь, что здесь не место для цветных?

— Но я работаю уборщиком при этой церкви, мистер! — отвечал испуганный негр, со страхом глядя на дубинку в руках полицейского.

— Ну, тогда иди. Только смотри у меня: если вздумашь молиться, так тебя избью, что не встанешь...

ДЬЯВОЛ В ЮБКЕ

Полковник армии США. Лицо волево, как топором сработанное. Подбородок — гангстерам на зависть — тяжелый, пугающий.

Глядит полковник орлом, а ходит павой: бывалый воин — еще и завязная кокетка. Брови подрисованы. Глаза подведены. На седой голове завивка. Офицер придерживается строгой диеты, и потому в стане тонок, как синтетическая соломинка для коктейля. Одевается с блеском. А не убого. Не кутила. Не ужагер. За свою офицерскую жизнь щеголь полковник не пригласил на танец ни одной дамы.

Почему так?

Очень просто: полковник сам дама, дама с мужским лицом и ослиной челюстью. Зовут даму-полковника Маргарет Смит.

Эта лютая миссис — обидчица всех матерей. Она ненавидит детей всех народов. И уж сколько лет зовет к ним в няньки атомную смерть.

24 сентября, когда американский сенат ратифицировал Московский договор о запрещении испытаний ядерного оружия, 80 рук взметнулись в воздух, голосуя за договор, и 10 рук — против. На одной из девятнадцати кокетливо ален манжур. Как вы уже догадываетесь, то была рука полковника запаса вспомогательного Женского корпуса Маргарет Смит.

* * *

Кто из простых американцев, живших в фабричном городе Скоухеген, мог подумать, что милая дочурка парикмахера Джорджа Чейза так ожесточится, что со временем будет голосовать за заражение земли радиоактивными осадками!

А пока что Мегги лазала по деревьям не хуже мальчишек. Забавлялась стрельбой из духового ружья на берегу родной реки Кеннебек. Устраняла сражения оловянных солдатиков.

И одно было странным в ее игре: упавшим фигуркам она отламывала головы.

— Пусть будут взаправду убитые, — объясняла девочка с трогательными бантиками в косичках.

Причуды Мегги, вероятно, видели не только люди. Видел, должно быть, и сам лукавый бес, ведающий совращением населения штата Мэн.

Бес-босс отнюдь не считал, что любая женщина — соуд дьявола, но Маргарет Чейз он рассматривал именно в таком качестве. Были в ней кое-какие многообещающие задатки... И в какой-то момент бес-босс принял решение вселить в душу Мегги дьяволенка.

И тот расположился в грудной клетке Маргарет Чейз бесцеремонно, словно кукушонок в чужом гнезде. Постепенно он вытолкнул из девичьей души последние остатки человеческих чувств и наполнил ее колючей ненавистью к людскому роду, неприязнью к добру и дружбе, к верности и любви.

В девичестве Мегги была и телефонисткой, и администратором, и агентом отдела объявлений, и директором по распространению местной газеты. Но что бы ни делала Маргарет Чейз — торговала ли мужским кремом «Чары любви», подслушивала интимные телефонные разговоры граждан Скоухегена, запрашивала объявления для газеты или уговаривала горожан стать ее подписчиками, — она ненавидела! Ненавидела всех: покупающих, разговаривающих, дающих и читающих.

На тридцать четвертом году своей грешной жизни будущий полковник стал супругой Клайда Смита, скоухегенского бизнесмена, члена конгресса, и его непременным секретарем.

Миссис Смит была дьявольски предусмотрительна.

На дожидаясь, пока умрет ее супруг, она зарегистрировала свою кандидатуру на почти вакантное место. И вскоре после того, как мистер Смит почил вечным сном, миссис Смит заняла в конгрессе его место. Об этом позаботились бизнесмены, делающие выборную игру во Втором округе штата Мэн.

Восемь лет спустя она становится сенатором.

Дьявол в юбке твердо знает: дуй музыку, заказанную теми, кто платит, и будешь придворным музыкантом, пока не зафальшивишь.

И дама-полковник бьет в гулкий барабан. С трибуны сената гремит воинственный марш: «Я сторонница жесткой внешней политики».

У нас есть сильное подозрение, что на дне своего ридикюля миссис сенаторша носит портативное помело. Иначе трудно объяснить ту скорость и мобильность, с какой она перелетает из одной сенатской комиссии в другую, с одного совещания на следующее. Суперактивна дама — член финансовой и военной комиссий, комиссии по исследова-

нию космоса, а также кое-каких мелких подкомиссий.

Она выступает против урезывания военного бюджета. Она голосует за предоставление помощи франкистской Испании и против предоставления бесплатной медицинской помощи престарелым американцам. Она голосует за все, что омрачает жизнь простых людей, и против всего, что могло бы принести им свободу от страха.

Удивительное дело: американские биографы миссис Смит утверждают, будто бы она любит вкусно готовить. Трудно поверить, чтобы при такой-то занятости у нее оставалось время на гастрономические утехы. Скорее

всего, когда она стряпает, из кухни несет подгорелым омлетом. Наскоро перекусив, она мчит в сенат, на трибуну, и тогда уже гарью несет на весь мир.

При первых признаках разрядки напряженности дьявол в юбке начинает свой шабаш. Дама лезет вон из эмалиной кожи, стремясь побольше навредить идее добрососедства.

Она кидается на федеральное правительство. Она обвиняет его чуть ли не в коммунизме.

Она вопит, что Центральное разведывательное управление действует не на полную мощность. «Я считаю, — кричит с трибуны злокозненная миссис, — что управление можно использовать с большей пользой!»

Однажды, поспешая на митинг, она поскользнулась на льду и сломала себе руку. То была ее личная беда. Но, увлекая свою страну на скользкий путь международных авантюр, миссис Смит рискует сломать шею не только себе, но и миллионам ни в чем не повинных американцев.

Президент Кеннеди проявлял дальновидность и осторожность, а седая бесовка осмеивала его, обзывая «слабовольным и робким дядей Самом». Осенью 1961 года фурия из штата Мэн объявила президента трусом, упрекая его в том, что он отказывается использовать ядерные бомбы для «решения берлинского вопроса».

Об этой бешеной сенаторше года два назад Никита Сергеевич Хрущев говорил так:

«Кто может оставаться спокойным и безразличным к таким провокационным заявлениям, с которыми выступила в сенате США эта женщина, ослепленная дикой ненавистью к содружеству социалистических стран, упрекавшая правительство Соединенных Штатов в том, что оно недостаточно проявляет решимости применить ядерное оружие в предполагаемой войне из-за Западного Берлина? Просто не укладывается в голове, как может женщина, если это не сатана в образе женщины, выступать с такими злыми, человеконенавистническими призывами».

Во время ратификации сенатом Московского договора дьявол в юбке развил адскую деятельность. Она сделала все, что могла, чтобы разжечь сомнения и недоверие среди колеблющейся части сенаторов. Стараясь скопрометировать договор, она задала не три, не семь, не двенадцать, а шестнадцать провокационных вопросов.

Не вышло. Сенат одобрил договор. Наманикоренная старушечья лапка, поднятая против ратификации, опустилась, сжалась в кулачок, и розовые коготки в бессильной ярости впились в дряблую мякоть ладони.

Дьявол в юбке считает свое поражение временным. Она жаждет отыграться. Обуреваемая честолюбием, Маргарет Смит решила даже выдвинуть свою кандидатуру... на пост президента, чем немало наслезлила прессу всех направлений. «Нью-Йорк геральд трибюн» изобразила по этому поводу символ республиканской партии — слона, примеряющего дамскую шляпку.

Миссис полковник остается гонимым здравым смыслом в решении международных вопросов. Всякому, кто против политических тайфунов, кто за освежающий бриз добрососедства, дама — яркий неприятель.

И только когда потянет в воздухе гарью, бюст полковника вздымается высоко и легко. Это понятно: дьяволу в юбке нужен для дыхания не кислород, а сладковатый трупный запах или, на худой конец, аромат горячей серы.

В ГОСТИНИЦЕ «ФРАНЦИЯ»
— Наведите глянec, милейший!

Рисунок КУКРЫНИКСЫ

Бундесвер

— Вот вам номер с ванной...

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

— Ма-а-а-ма!
— Что ты кричишь, как оглашенный! Маму напугал...

Рисунок С. КУЗЬМИНА

— Внимание! Потерявшийся Петькин Иван Иванович! У нас, в радиоузле универмага, вас ожидает жена...

Рисунок В. ВОЕВОДИНА

Рисунок Г. ИОРША

Вадим ЧИРКОВ

В ГРАФУ ЕГО!

Поссорился я как-то в трамвее с одним гражданином. Вежливо поспорил, но гражданин рассердился. А был тот гражданин, как оказалось, злым волшебником. И чтобы неслить мне, он взял да и забросил меня, бедолагу, в свои владения. И оказался я в сказочном царстве.

Иду я по улице и никак узнать ее не могу. Ни одного знакомого дома, ни одной знакомой двери. Да и дома какие-то не те. Диковинные дома. Взяли будто бы папки-скоросшиватели да прорезали в них окна и двери. И крыши из папок. Деревья из картона вырезаны. Вместо машин разные пресс-папье да чернильные приборы по улице кетят. Вместо трамваев — счеты. А вместо людей казенные бумаги ходят. Важные такие, адресом вперед. А некоторые в трубочку свернуты. А еще карандаши да ручки вышагивают. Прямые все.

И будто иду я по улице и всему этому верю. Будто так и должно быть, чтобы по улице вместо людей канцелярщины гуляли. Только шел я недолго. Увидели все-таки бумаги, что человек к ним попал. Окружили меня и ну скрипеть и ну шелестеть да шуршать! В общем, взяли меня в оборот. Взяли и повели.

Вели, вели и привели. В какой-то дом, вроде шкафа. Там и двери скрипят, и чернилами пахнет, и еще чем-то... Ввели в комнату. Стены, похоже, заявлениями да протоколами оклеены. Может, это обои такие — я не разобрался.

Поставили меня перед столом. А за столом сидит что-то. Вроде подшивки бумаг. И тоже в трубочку. Заглянул я в нее, благо ростом высокий, — ничего не увидел. Пусто и темно. «Ну и ну!», — подумал я.

Тут подняла на меня подшивка глаза, я и обмер: у нее вместо глаз кляксы чернильные.

— А-а,— говорит она,— человек!

И так сказала, будто заждалась меня.

— Да,— говорю,— человек, Попов Семен Семенович.— Этак с достоинством говорю.

— А как вы сюда попали? — вежливою спрашивает подшивка.

Феликс КРИВИН

ПОТЕРЯННЫЙ ДЕНЬ

Для Календаря наступила осень...

Вообще-то осень у него всю жизнь, потому что круглый год с него опадают листки. Но когда листков остается так мало, как сейчас, то это уже настоящая осень.

Календарь шлепал по лужам, рассматривая отражающиеся в них тучи. У него уже не хватало сил поднять голову.

Вот тут-то ему и повстречалась теплая компания.

Тридцать Первое Ноября, Восьмой День Недели и Двадцать Пятый Час Суток сидели вне времени и пространства и говорили об осенних делах.

— Эге, папаша, неважно ты выглядишь! — крикнули они Календарю. — Смотри, доконает тебя эта осень.

— Доконзает,— вздохнул Календарь.

— Да ты присаживайся, чего стоишь?

— Надо идти,— сказал Календарь,— времени нет.

— Это у тебя-то нет времени? — рассмеялся Восьмой День Недели. — А что же нам тогда говорить? На нашу долю и вообще времени не досталось.

— Да,— проворчал Двадцать Пятый Час,— ночей не спишь, все стараешься попасть в ногу со временем — никак не удается. Дождешься двадцати четырех часов, только попробуешь приткнуться, глядь — уже час ночи.

— Или первое декабря,— вставило Тридцать Первое Ноября. — Сразу шагает после тридцатого.

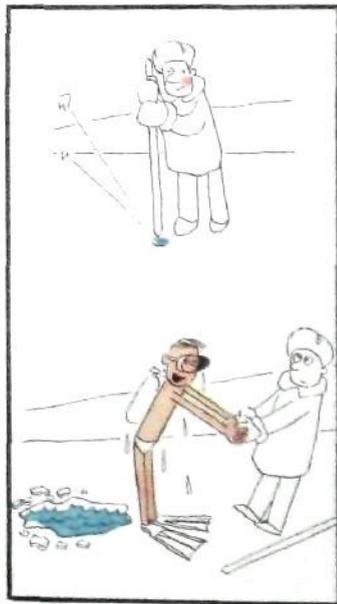

Рисунок С. АЛЕКСАНДРОВА

А я и не знаю, что ответить. Молчу, смотрю в ее чернильные глаза.

— Может, у вас дело какое к нам?

— Да нет,— говорю,— гулял я, а ваши меня схватили.

— А на учет вас взяли? — спрашивает.

— На какой такой учет?

Подшюпка как вскинется:

— Вы что, не знаете, куда попали? — Да как равняет: — В графу ег!

Подскокнули тут карандаши, схватили меня за руки да за ноги и ну в лист пихать, что к стене прикиплен был. Толкают, а я молчу и чувствую, что неметь начинаю. С головы. И в лист постепенно захожу. В графу. Так и вошел. С головой и с ногами. Только уши да нос торчат. А когда пресс-папье по мне прошлись, я и весь вошел. Лежу в графе, ноги вытянул.

Только чувствую, что я вроде бы из букв начал состоять. Живот пощупал — О.

«Ах ты,— думаю,— чертовщина!»

За голову схватился — опять О. Ноги... никак не пойму, ага,— П. Руки — тоже. Очки хотел протереть — В перевернутое. Рот и нос — дужки какие-то. Потом догадался: С. Ну и вид же у меня!

И все вроде бы правильно: Попов ведь я, Семен Семенович! А себя не чувствую. Загляну за графу — вижу седьмой номер. Это я, значит. Тут подходят ко мне с листом.

— Эй,— кричат,— Попов!

— Что? — отвечаю.

— Описать сейчас делать будем.

А я и не спрашиваю, зачем. Будто бумажный. Описывают, переговариваются. Описали. И мне зачитали для проверки. Вот она, какая опись:

б) нос	1 (один)	
в) рот	1 (один)	
г) уши	2 (два)	
д) глаза	2 (два)	
2. Живот	1 (один)	
3. Руки	2 (две)	правая и левая
4. Ноги	2 (две)	

— А желудок? — спрашиваю.

— Внутренности,— говорят,— не наше дело. Нам то, что снаружи, требуется.— И поставили около моей графы птичку.

Ушли они, а я опять осматриваюсь. Плоское все: и графа и я. А плоским я, по-моему, не был. Вроде бы и живот был, и спина... А тут, как лист.

Заглянул наверх, вижу что-то на змея похожее.

«Может, искуситель?» — думаю. Потом посмотрелся — батюшки! — Параграф!

— Слушай, параграф, к чему все это делается?

— Ничего. Порядок такой,— отвечает.

Через неделю отпустил меня параграф. Привел к границе сказочного царства и говорит: — Ну иди, Попов, домой.

И я пошел.

Вдруг параграф как крикнет мне вдогонку: — Попов, почему справку не просишь, что был у нас? Возьми, пригодится!

А я бежать: уж больно надоел мне параграф! Стал я на бегу себя ощупывать. Живот теплый — мой. Голова есть, нос есть, уши — тоже. «Все-таки к врачам надо заглянуть,— думаю,— пусть обследуют».

Тут как раз и поликлиника. Забегаю я — и сразу в регистратуру. Заглянул в окошко — батюшки! — сидит там девица, как волшебник из трамвая, ехидно ухмыляется и спрашивает:

— В чем дело?

— Вот,— говорю,— из сказочного царства явился. Хочу обследоваться.

— А на учет вас там поставили? Справка есть?

— На учет,— говорю,— поставили, а справки нету. Спешил очень. Некогда было взять.

— Ну, и обследовать не будем, пока справку не принесете.

И вдруг почувствовал я, граждане, что опять плоским становлюсь. Как в той графе из сказочного царства...

г. Кишинев.

обращаются. Взял, почитал, на место поставил... Вот жизнь!

— Выдана книга тридцать первого ноября...

— В восьмой день недели...

— В двадцать пять ноль-ноль...

— Вернуть книгу тридцать первого ноября...

— В восьмой день недели...

— В двадцать пять ноль-ноль...

— Постойте, постойте,— забеспокоился Календарь.— Это как же? Одну книгу читать целый год?

— А что, разве много? Если время стоит,— чего там экономить?

Это сказало Тридцать Первое Ноября. А Восьмой День Недели добавил:

— Да и читать-то никто не будет. Время стоит — значит, все стоит.

— Все стоит? И жизнь?

— Стоит, папаша, стоит! И тебе прямая дорога на пенсию. Поработал свое, довольной!

— А как же библиотека?

— На кой она тебе? Плюнь, не думай!

Календарь встал, расправил листки.

— Ну, вот что, нечего мне тут с вами время терять. Поговорили — хватит!

— А осень, папаша? Она же не пощадит! — напомнил Двадцать Пятый Час.— Ох смотри, доведут тебя твои дни!

— Вы мои дни не судите,— рассердился Календарь.— Не вам их судить! Они у меня все при деле. А вы что? Так, в стороне!

Календарь оторвал от себя листок.

— Вот, потерял с вами целый день. Возьми себе на память о потерянном времени.

И он зашагал по лужам. Но теперь уже в них не глядел. Календарь смотрел высоко и далеко — туда, где кончается его жизнь и начинается жизнь других календарей.

г. Ужгород.

НА ПАДЕЖНОМ КОРМУ

«Дорогой Крокодил! Приезжайте к нам, посмотрите, что творится на снотоприемной базе», — писала читательница А. Пяклунина из Горьковской области. Ваш корреспондент приехал и посмотрел...

Цвела взаправдашняя липа,
Шептались птички у берез
В поселке городского типа
С названием Пьянский Перевоз.

Сюда, как в Рим, вели дороги,
Сюда колхозы скот вели
И оставляли на пороге
Перегороженной земли.
А за порогом загордон —
Доисторический загон,—
Пусть именуется по сводке
Откормочной базой он,
Но здесь скоту, как говорится,
Нельзя ни встать, ни лечь, ни сесть
И невозможно откормиться,
Поскольку нечего поесть...

Что скот тощал в плену загонев,
На то найдут вам сто причин:
То нет на станции вагонов,
То нету в области машин,
Кормов нет в «Скототкормотрасте»,
Скота не принял комбинат,—
Все виноваты...
Лишь на месте
Никто ни в чем не виноват!

А почему, — спросите базу,—
Скот отправляет не стали сразу?
Быть может, зав ее — Щаулов —
Творец бескормовых нагулов?
А почему «Заготконтора»
О корме вспомнила не скоро?
Быть может, завконторой Гришин
Спокойно ждал решения свыше!

Легко свалить на дядю в центре:
Мол, этот дядя не помог,—
Но разве мяса лишней центнер!
Нам сбережет такой предлог!
Один работник, даже приткнут
Сказал (мы были с ним вдвоем):
«У нас планируют убытки —
Мы их без плана не даем!»

Он говорил и восхищался
Своею светлой головой...
А вес живой
Весь превращался
В вес чуть живой и в неживой.

Вот так, с убытками дружа,
Скот часто режут без ножа!

Андрей ВНУКОВ,
специальный корреспондент
Крокодила

Горьковская область.

Перед премьерой.

Рисунок Е. ГОРОХОВА

СКАЗКИ

— А я уж как извелся с этими воскресеньями и понедельниками! Так держатся друг за дружку, как будто их кто-то связал.— Восьмой День Недели с укором посмотрел на Календарь.— А все ты, папаша, виноват. Нет у тебя порядка.

— Как это нет порядка? — обиделся Календарь.— Я за порядком сам слежу, у меня каждый день на учете.

— А что толку от этих дней! — воскликнуло Тридцать Первое Ноября.— Каждый из них отбирает у тебя день жизни.

— Отбирает, это правда...

— Слышь, папаша, ты бы плюнул на них, а? Взял бы лучше нас — мы бы у тебя ни минутки не тронули.

— Вас? — с сомнением посмотрел на них Календарь.

— Ну конечно, нас! — сказал Восьмой День Недели.— У нас бы время никуда не двигалось, на месте стояло. Ни четвергов, ни пятниц, ни суббот — живи, ни о чем не думай!

— И все время ночь,— подхватил Двадцать Пятый Час.— Спи себе, знай похрапывай!

— Это бы мичего... — улыбнулся Календарь.— И все листки будут целы.

— Все до одного! Если время стоит, куда им деваться?

Календарь сел, аккуратно подобрал листки.

— Я бы тогда в библиотеку поступил,— мечтательно произнес он.— Там с книгами хорошо

Читатели Крокодила справедливо возмущаются тем, что репертуар для грамзаписей часто засоряется пошлыми, калтурными песенками.

ЗАРАЗИТЕЛЬНАЯ ШТУКА

После того, как драматург написал первую пьесу, он сказал своему другу:

— Знаешь, не ожидал, но тянет на вторую. Есть замысел, но вот не выписываются характеры. Все персонажи представляются какими-то одинаковыми.

— А я тебе помогу,— сказал друг.— Ты возьми для колорита речевые особенности. Один персонаж, например, не выговаривает букву «ш». Вместо нее он, допустим, «ч» говорит. У другого не ладится с буквой «л». Он ее буквой «в» заменил. Третий же элементарно картавит. Вместо «р» — «г». Никакого стандарта. Совсем разные люди.

— А что,— сказал драматург.— Попробую.
У него в пьесе разыгрывается такая сцена. Муж приходит с работы домой и, садясь обедать, жалуетесь жене.

МУЖ. Опять пиван не выловил.

ЖЕНА (рыдая). Как ты меня огогошил!

СЫН (весело). Не горкой, отец. (Наклоняется к суфлеру.)

СУФЛЕР (шепчет). Не ропщи. Кушай щи.

СЫН. Значит так, папа: не ропчи. Кушай чи.

Спектакль кончился. Зрители выходят из театра, делая впечатлениями:

— Ну и дрянн! Э, чога, что я говою...

— Правильно говорите: сучая егуйда!

Заразительная штука — искусство!

Ю. ЗОЛОТАРЕВ

НАШЛИ ЛАЗЕЙКУ

Рисунок Е. МИГУНОВА

КНИЖНАЯ ПОЛКА КРОКОДИЛА

Посвящается художникам — оформителям книг, не совсем внимательно читающим рукописи.

Рисунок М. БИТНОГО

С Ю Р П Р И З С

Сюрпризы почему-то принято преподносить по утрам. Не успел ты еще как следует глаза протереть, а тебе уже преподносят что-то хорошее, отчего весь день ходишь именинником.

Зарайский комбинат бытового обслуживания свой приятный сюрприз преподнес горожанам тоже ранним майским утром. Кругом все благоухало, цело и цело. В тон принарядившейся природе на заборах замелькали цветастые афиши. Они резко отличались от афиш заезжих шпатоглодателей и укутанных в шали исполнителей цыганских романсов. Пятьдесят весенне-пестрых афиш комбината бытового обслуживания не рассказывали, а прямо-таки заливались соловьями:

«ВНИМАНИЕ! НОВОЕ В БЫТОВОМ ОБСЛУЖИВАНИИ НАСЕЛЕНИЯ... ТОВАРИЩИ! ПОЛЬЗУЙТЕСЬ УДОБСТВАМИ БЮРО БЫТОВЫХ УСЛУГ!»

Афиша возвещала, что комбинат берет на себя массу всяких житейских хлопот, «лезных и нужных». Стоит подать заявку, и бюро не только перевезет любые вещи или имущество, но еще выполнит все погрузочно-разгрузочные операции. Надо подвесить оконный карниз? Пожалуйста! Отремонтировать штепсель? Незамедлительно! На радость домашним хозяйкам бюро полностью принимало на себя уборку квартир, мойку полов, обметание стен и потолков, протирку окон и даже мытье посуды. Для этого достаточно по телефону либо лично сделать заявку, после чего можно идти в кино, на футбол, в гости или спокойно распивать чай.

Глядя на афиши, местные шабашники, калымщики и прочие подшибалы голосили, размазывая по щетине горячие слезы:

— Караул! Режут!

Так миновали весна, лето и осень. В садах и палисадниках поблекли цветы. Дождь, ветер и козы не оставили никаких следов от быткомбинатовских афиш. Но доброе бюро добрых услуг продолжало жить.

И вот совсем недавно Крокодил получил письмо из Зарайска. Товарищам хотелось, чтоб о работе их бюро знали и в других местах. Крокодил откликнулся на голос своих читателей и направил меня в Зарайск.

...На центральной площади под дорожным знаком «Стоянка запрещена» стоял забрызганный грузовик с измазанным грязью шофером. Тут же беспокойно вертелся какой-то гражданин с новым ведром в руке. Время от времени шофер высовывал из кабины руку, показывая гражданину четыре замасленных пальца, а потом дублировал жест словами:

— Четыре креста!

— Нет, дорого! — возражал гражданин с ведром. — Тут и ехать всего полтора километра... Двух рублей тебе за глаза хватит!

— Четыре! — Шофер угрожающе фыркнул мотором и четыре раза коротко бибикнул. — Ну, газуем за четыре? Не то — сматываюсь!

И он «смотался». Из короткого разговора с гражданином я узнал, что ему надо было перевезти какую-то громоздкую поклажу.

— Обратились бы в бюро бытовых услуг, — желая козырнуть знанием городских дел, предложил я.

Заканчивается подписка на газеты и журналы.

Перебирая свои интантины, я с грустью замечаю, что в 1984 году моя любознательность будет удовлетворена далеко не полностью.

Вспоминая: когда я перелистывал каталог «Союзпечати», подыскивал кандидатов на подписку, меня мучила зевота. Мне было скучно, как скрипачу на математической олимпиаде. Я асвал до неприличия откровенно, но ничего не мог с собой поделать.

Я хотел было подписаться на журнал «Зеленый друг», но, к сожалению, он называется «Защита растений от вредителей и болезней».

Я с удовольствием выписал бы журнал «Всадник», но, к сожалению, он называется «Коневодство и конный спорт».

Клишусь, я признаю бы денег, чтобы наслаждаться журналом «Трасса», но, к сожалению, он именуется иначе — «Строительство и эксплуатация автомобильных дорог».

С наслаждением я читал и перечитывал бы от мори до мори журнал «Звонка», если бы он не назывался «Изобретатель и рационализатор».

Я встречал бы почтальона за два квартала от дома, чтобы узнать, что новейшего пишут в журнале «Мать и дитя». Но я крепко задремал, узнав, что этот журнал

называется по-прежнему «Вопросы охраны материнства и детства».

Я был бы преданным и доблестным подписчиком на журналы «Золотая гроздь», «Жернов», «Каравай», если б они не именовались «Виноделие и виноградарство СССР», «Мукомольно-элеваторная промышленность», «Хлебобулочная и кондитерская промышленность».

Протирая слезающиеся глаза, я искал в каталоге журнал «Техника — селу», но, к сожалению, вместо него обнаружил только «Механизацию и электрификацию сельского хозяйства».

Это был последний удар. Я рухнул на пол и заснул сном праведника. Вокруг меня хранило десятка полтора подписчиков, уже исписавших каталог до меня. Начальник отделения связи (которое когда-то ивизио называлось почтой) ничего не мог с нами поделать, поскольку сам он третьи сутки упивался летаргическим сном, уронив голову на стонку каталогов.

И пришлось мне, что началась Великая Кампания под девизом «Что в лоб — что по лбу». И все названия, в которых усматривался хоть намек на образность, краткость и яркость, безжалостно заменились убиственно-нудными, прямолинейно-топорными, многословно-канцелярскими.

И даже «Крокодил» был переименован. Теперь он называется «Некоторые вопросы текущей жизни с юмористической и сатириче-

ской точкой зрения». Сокращенно — ИВТЖИОЗ.

А когда я проснулся, то написал это письмо.

С уважением
В. АЛЕКСАНДРОВ,
подписчик.

От Крокодила. Прежде чем сдавать это письмо в набор, я показывал его редактору журнала «Вопросы конденсации, апроприации и субординации» Н. Солидиному, который заявил:

— Письмо подписчика считаю верком левомыслия. Наша позиция — никаких уступок читателю. Мы упорно боремся против опасных попыток толкнуть нас на великой там иривности. В результате нам удалось снизить тираж нашего журнала с 214 до 185 экземпляров, что является вкладом в дело экономики бумаги, этого ценного продукта лесной, деревообрабатывающей, целлюлозно-бумажной промышленности...

Здесь тов. Н. Солидный свесил голову на могучую грудь и сладко засопел. Поскольку разбудить его пока не удалось, я решил напечатать это письмо в дискуссионном порядке. С одной стороны, я сомневаюсь в том, что названия, которые подписчик В. Александров придумал для выходящих ныне журналов, являются наилучшими. С другой стороны, я не сомневаюсь, что в его письме есть здоровое начало. Любопытно было бы узнать твое мнение, дорогой читатель.

Дмитрий СМЕРНОВ

ЭПИГРАММЫ

НА ОДНОФАМИЛЬЦА
СМЕРНОВА С. В.

Он басно спрессовал до дна,
Изведет творческую муку.
Он не из мухи делает слона,
А из слонихи — злую муку.

НА ЕГОРА ИСАЕВА,
автора поэмы «Суд памяти»

Нет слов —
Суд памяти суров,
Но и бесспорно тоже —
Суд времени построже!

НИКОЛАЮ ГЛАЗКОВУ

Меня прочтешь — поймешь,
Что Н. Глазков велик.

И. Глазков.

Не поверю без улики,
Что ты велик!

Н А Ч И Н К О И

— Нет уж!.. Спасибо!.. — отказался мой собеседник. — Уж я как-нибудь так... Надежней будет...

Ну, конечно же, это был либо неисправимый скептик, либо потатчик калымщиков и шабашников! Ему предлагают добрые услуги, а он морщится. И я пошел в бюро, чтобы лично убедиться в заблуждениях человека с ведром.

— Мне бы, — говорю, — перевезти вещи со станции домой. Окажите, — прошу я, — такую добрую услугу!

В ответ мне кто-то хихикнул. Кто-то вздохнул. А работник, к которому я обратился, долго и с подозрением смотрел на меня, словно я просил его показать мне подлинную колесницу святого Ильи-пророка. А уж потом переспросил:

— Значит, вам нужна машина? Для перевозки вещей? Со станции? Домой?.. Ну, так что ж, пожалуйста! Берите любого «левака».

— ?!!!
— Ну да, «левака». Своих-то машин у нас нету.
По причине отсутствия директора комбината А. Медведева дальнейшие пояснения давала главный инженер Валентина Кускова.

— Нет, машину мы можем заказать в автоколонне хоть сейчас, — с предельной популярностью разъяснила В. Кускова. — Но получите вы ее не так-то скоро. Надо будет ждать. К тому же перевозка по городу стоит очень дорого. Вам самим будет невыгодно...
Выходит, человек с ведром оказался прав.

Потом В. Кускова рассказала про другие виды добрых услуг.

Она рисовала прямо-таки репинскими красками портрет своего дитища, призванного внести радость в жизнь зарайцев.

— А много ли горожан, обгоняя друг друга, поспешили воспользоваться услугами вашего бюро? — спросил я.

В толстом журнале, где с успехом поместилась бы поименная запись всего населения города Зарайска, оказались заявки пяти граждан (за четыре-то месяца!). Против двух заявок стояли пометки, что работы выполнены.

— А какова судьба остальных заявок?
Оказалось, что толком никто ничего не знает: в трех заявках запутались! Накричали, нашумели, намозолили глаза красивыми афишами — и на все махнули рукой.

Я решил проведать на дому неудачливых «клиентов» бюро бытовых услуг. Разыскал сперва одного, пенсионера Ивана Григорьевича Морозова. Он просил отремонтировать форточку.

— Ходил-ходил, просил-просил! — рассказал он. — Обещали. Целый месяц ждал. А потом пригласил частного мастера...

Рабочий Владимир Михайлович Михеев просил переставить на другое место электрический счетчик. Всех дел было ровным счетом на пятнадцать минут. Заявка сделана в августе. Только в октябре из бюро добрых услуг пришел мастер, посмотрел и... посоветовал обратиться к шабашнику.

Нет, напрасно заливались слезами зарайские калымщики и шабашники! Красивые афиши никакого вреда им не нанесли. Такова начинка зарайского сюрприза.

И. КОСТЮКОВ

«Начальнику Охотморской рыбной экспедиции, от Шаповалова А. И.—3-го пом. капитана п/б «Днепр»
Доношу до Вашего требования в части того, что я 4 августа прибыл якобы в нетрезвом состоянии. Докладываю Вам, что было такое дело, но не в таком разумении, как Вами было замечено. У меня бывает такое состояние после нахождения в гостях. О чем и докладываю.
А. Шаповалов»

Прислал Н. СЕМЕНОВ.
Сахалинская область.

«...Исходя из выше изложенного просим Вас избавиться от излишне пустой бумажной переписки и объявить подчиненного Вам инженера по технадзору вариться в собственном соку наравне с нашим руководством строительного участка полную смену в течении рабочего дня...»

Списал Н. ФРАНЧУК.
г. Усть-Кут,
Иркутской области.

«И каждый незаконно убитый медведь — это морщина на красивом лице ярославского леса».

(Из статьи, опубликованной молодежной газетой «Юность»).

Доставила Т. ДОЛГОДРОВА.
г. Ярославль.

«5 сентября 1963 г. к нам в село приехал на собственной «Волге» молодой человек и остановился у нас на квартире. Днем мы познакомились, а вечером я вышла за него замуж. Откуда он, я точно не знаю. Через два дня он уехал. Оказалось, что он женатый и имеет детей. Прошу принять меры к передаче его легковой автомашины мне».

(Из заявления)
Прислал В. АКРИЦКИЙ.
г. Краснодар.

(Это объявление висело у входа в клуб Луганского мясокомбината).

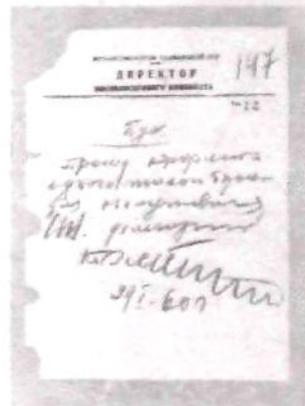
Фотографировал В. ШЕВОВ.
г. Луганск.

(Это объявление составлено сотрудниками Джетыгузского лесничества.)
Прислал Р. ЗАБИРОВ.
Киргизская ССР.

Кое-что о баранах

галерии мясокомбината и осевших в конце концов на столе следователя.
Вот образец гостеприимства Полтавченко:

Сейчас стало известно, что в состав многочисленных ин. делегаций, покупавших баранов по закупочным ценам (20—25 рублей), входили главным образом приятели и знакомые Полтавченко. Они-то, вероятно, и принимали участие в Олимпийских играх.

Таким образом, «культурный обмен» обошелся мясокомбинату в круглую копеечку.

п. ВОЛОДИН.

«Свидетель, почему вы назвали подсудимого проходцем и что конкретно вам известно о его прохождении?»

(Из протокола судебного заседания).

Записал С. МИРОНОВ.
г. Кишинев.

«Цемяздовская 3-летняя школа открыта вне нархозплана...»

Отсутствие наглядного пособия тоже исходит от внеплановости отсутствия этой школы...

Педагогическими кадрами эта школа обеспечена лучше, чем любая школа нашего района... Большинство учителей имеют высшее оборудование...»

(Из ответа зав. Орджоникидзевским ропо — П. Капустина).

Копия доставлена В. БОРИСОВЫМ.

Якутская АССР.

Оказывается, мы с вами, товарищи, необыкновенные растапы.

Мы прозевали состоявшиеся в Душанбе Олимпийские игры, выездную сессию ООН и Международный шахматный конгресс. Может быть, заодно и какой-нибудь кинофестиваль. Кто знает?

Мы прозевали такое стечение иностранных делегаций, которое не снилось даже древнему Вавилону.

И только один человек проявил во время этих нашестий находчивость, принял активное участие в организации Олимпийских игр, сыграл в домино со всемирно известными шахматистами и съел не один шашлык в компании очаровательных кинозвезд.

Этот человек — бывший директор местного мясоконсервного комбината Полтавченко. Его гостеприимное рвение запечатлено в многочисленных распоряжениях, адресованных бух-

«...Постановил: кобылу гнедой масти с упряжью, одноконную четырехколесную бричку, семь мешков комбикорма и свинью в возрасте шести месяцев приобщить к настоящему делу в качестве вещественных доказательств».

«Мой подзащитный совершил аварию потому, что у него не работала тормоза».

Прислал народный судья А. КУМЫКОВ.
г. Прохладный.

Сделал снимок К. ПЛАТОНОВ.

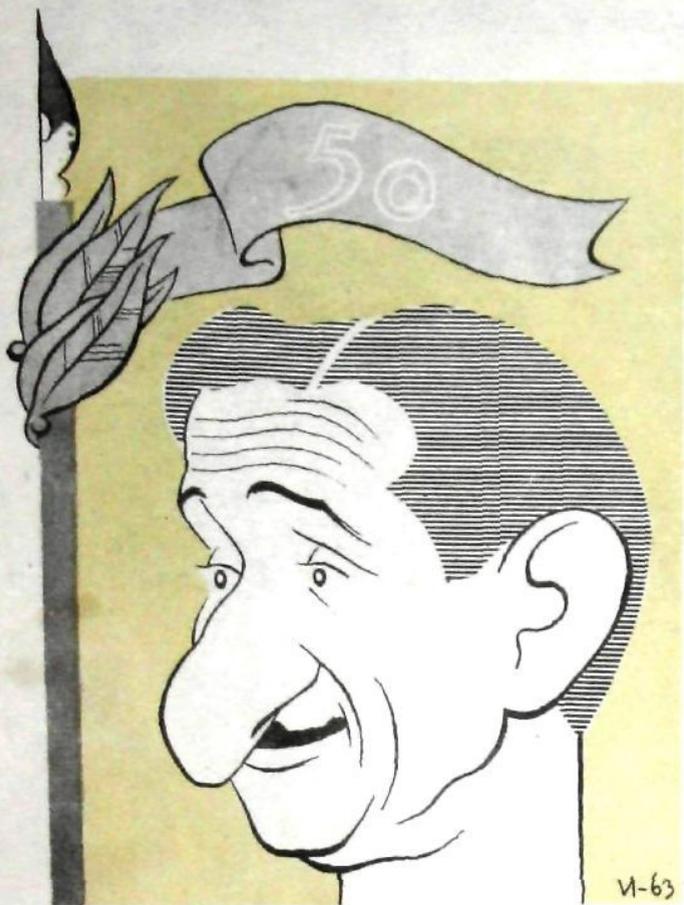
г. Ростов-на-Дону.

«4/XI—1963 года к 9 часам утра Вы должны явиться в управление и взять с собой человека, который хорошо пишет для переписки мероприятий по отставанию хозяйства и т. д.»

(Из телефонограммы.)
Копию снял И. КУЧЕРОВ.
Мордовская АССР.

(К пятидесятилетию со дня рождения)

Дружеский шарж И. ИГИНА

ТОВАРИЩ АНДРЕЕВ ПРИНЯЛ МЕРЫ

В редакцию пришло письмо. Учащиеся Кожлаерской восьмилетней школы, Морнинского района, Марийской АССР, сообщают, что учиться им нелегко. Старое здание школы находится в аварийном состоянии. Новое не достроено.

Что это значит? А значит то, что в теплые сентябрьские и октябрьские дни занятия, видимо, протекали на лоне природы. Под чирканье птиц. Но вот наступил ноябрь, дожди, слюнь, мокрый снег, и последние птицы покинули Морнинский район. На дворе остались лишь по-прежнему прихвальные воробьи и учащиеся Кожлаерской школы. И вот учащиеся послали в редакцию письмо.

Это письмо редакция Крокодила направила в исполком Морнинского районного Совета. Редакция надеялась, что исполком примет меры.

Председатель исполкома тов. Андреев, в свою очередь, написал редакцию. Это письмо состояло из двух частей. В первой давалось разъяснение, из которого следовало, что изначально делало все для ускорения строительства здания. Дейтельность развивалась по трем линиям:

а) личные посещения:
«Данный строительный объект несколько раз посещен мною, моим заместителем тов. Архиповым Н. С., зам. секретаря парткома тов. Анисимовым А. А. и заведующим роно тов. Николаевым С. Н.»;

б) информация:
«О ходе строительства исполком и партком всегда информировали Совет Министров республики, зам. заведующего идеологическим отделом по промышленности тов. Новоселова И. Н., зав. промышленно-транспортным отделом тов. Воробьева В. М., зав. отделом строительства и городского хозяйства тов. Кожвинникова В. П.».

в) постановка вопроса:
«Вопросы ускорения строительства неоднократно ставились перед руководителями строительных организаций и ОКСа Совета Министров республики».

Первый пункт означает, что тов. Андреев и его помощники время от времени приезжали на место стройки и окидывали последнюю взглядом.

Два следующих пункта означают, что велась обширная переписка.

Стучали машинки. Кто-то, дождю, приглядывал печатать. Кто-то делал откаты в юнге исходящих и поднимал в здание входящих. Бежали курьеры и выносили по этажам почтовые ящики. Трудилась масса людей. Следует удивляться, что в результате этой бурной деятельности она строительно-деятельности она застенчивая сама собой и стены не оштукатуривались. Здание, которое должно было быть достроено к 1 сентября, не было готово и в середине ноября. Учить детей можно было только на улице. Но товарищ Андреев и другие делали, что могли. Следовательно, винить морнинских руководителей попросту смешно.

Во второй части письма Андреев сообщал, что меры приняты.

Немедленно по получении письма в с. Морис развернулась лахорадочная деятельность. О ее результатах тов. Андреев сообщил:

«В связи с этим (с тем, что здание не достроено. — Н. И.) учителя Кожлаерской школы от имени учащихся написали письма в разные адреса, собрав от них подписи. Так поступил классный руководитель 7-го класса Чапала Алексей Минделевич. Парткомом управления и исполкомом сельрайсовета эти фанты проверены».

Это значит, что в короткий срок удалось провести дознание и разыскать зачинщиков! Помыслили глупую энергию проявил тов. Андреев с помощниками! Полюбили бы этой энергии бросить на ускорение строительства! Но тов. Андреев направил ее по другому руслу. И так: зачинщиков установили. Не успокоившись на достигнутом, тов. Андреев вызвал и себе директора школы и распек его. И вот как он об этом скупо сообщает:

«...сделано серьезное внушение директору школы Илатову А. Ф. за неправильное воспитание учащихся».

«Он свои ошибки осознал» — такова последняя фраза письма тов. Андреева. О том, что она означает, в каких ошибках сознался директор, зачем и почему он сознался, думать как-то не хочется. Вот те энергичные меры, которые принял тов. Андреев, чтобы из подведомственного ему района жалоб больше не поступало...

Н. ИЛЬИНА

ЧТО НОВОГО В САТИРИЧЕСКОМ ЦЕХЕ

Альбом рисунков старейшего крокодила Л. Генча пополнил нашу серию «Мастера советской карикатуры».

«СВЕЖАВШИЙ КАРАНДАШ» изловлен и доставлен в Библиотеку Крокодила главным редактором журнала «Вокруг света» В. Сапариным. Это первая книжка юмористических рассказов писателя-фантаста.

«ЧЕЛОВЕКА С ПАЛКОЙ» привел в ту же Библиотеку З. Юрьев вместе с героями других своих фельетонов.

«В ЧЕТЫРЕ СТРОЧКИ» уложил каждую из своих эпиграмм украинский поэт-сатирик Ю. Кругляк. Книжка пополнила Библиотеку нашего украинского собрата «Перца».

«НА ВЕСЕЛОЙ ОРБИТЕ». Альбом рисунков Ю. Черепанова выпущен «Московским рабочим».

«САТИРИКОВ НА ВАХТЕ», местных прозаиков, поэтов и художников — активистов газеты «Правда Бурятии» представило читателям как авторов коллективного сборника Бурятское книгоиздательство.

Вышла из печати новая серия плакатов Крокодила на сельскохозяйственные темы. Авторы — художники Г. Вальк, Е. Ведерников, А. Елисеев и М. Скобелев, Б. Ефимов, В. Жаринов и Д. Белов, А. Каневский, Ю. Федоров.

Перед вами один из этих плакатов работы А. Елисеева и М. Скобелева.

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ. Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИХРЕВ, Б. А. ЕГОРОВ (зам. главного редактора), КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), А. Н. РЕМЕЗОВ (ответственный секретарь), И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМЕРНОВ, А. А. СУКОЦЕВ, Е. А. ШУКАЕВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА».

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, д. 14. Тел. Д 3-31-37.

Издательство «Правда».

А 00230. Изд. № 2045.

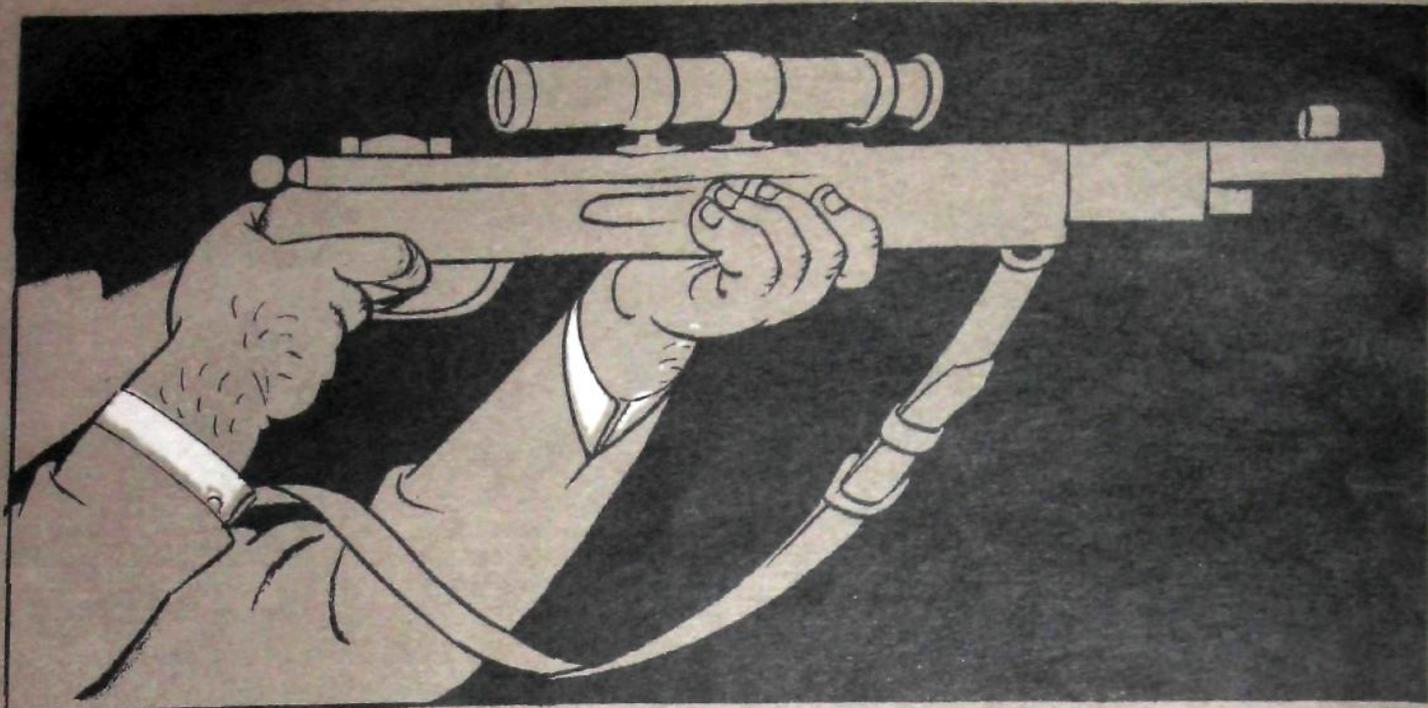
Подписано к печати 9/ХІІ 1963 г.

Формат бум. 70×108½.

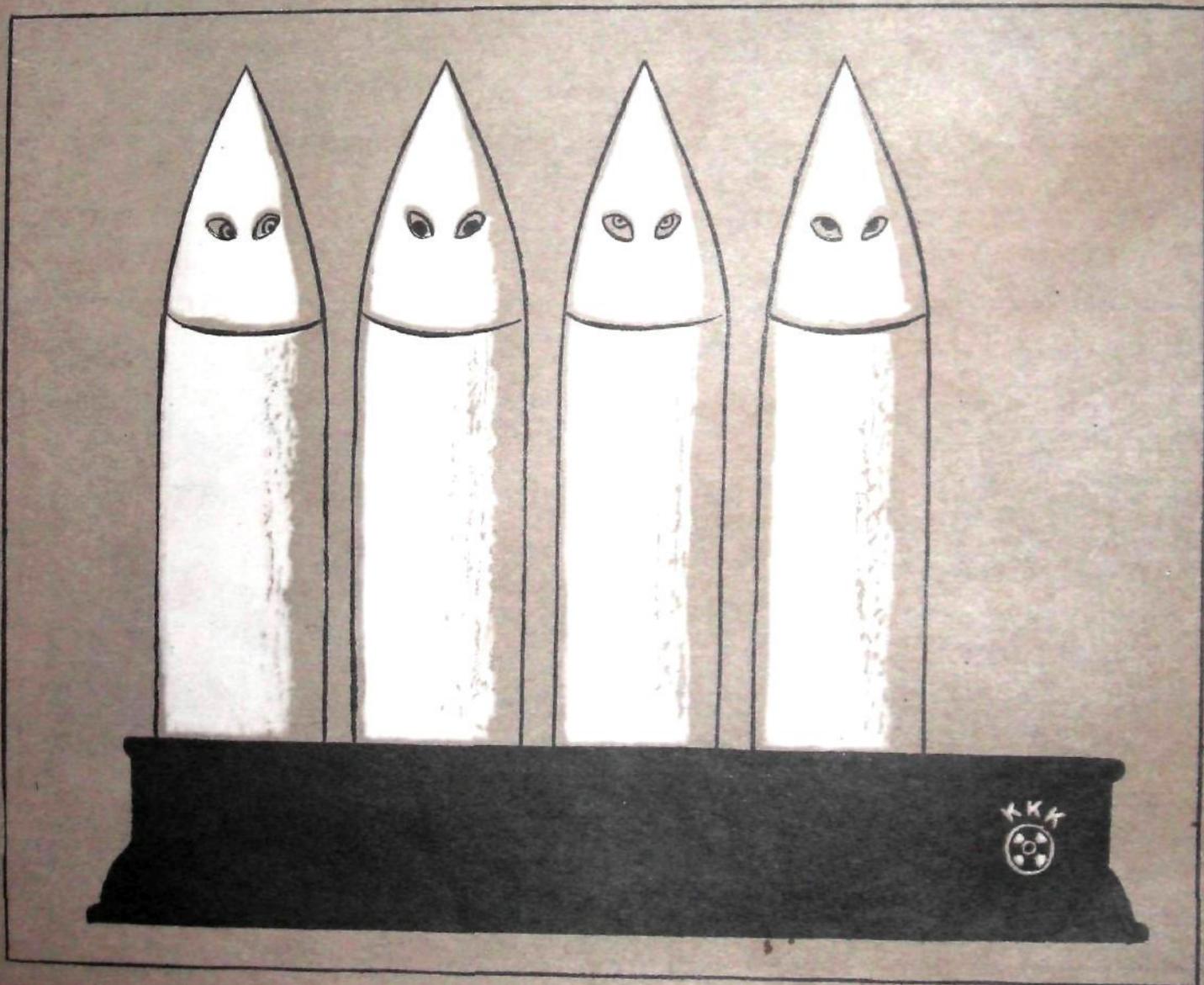
Тираж 2 000 000 экз.

Заказ № 3042. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.

Орден Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ТЕХАССКАЯ ВИНТОВКА...

И ЕЕ ПАТРОНЫ